

- ¹⁹ Kobusch Th. Zeit und Grenze. Zur Kritik des Gregor von Nyssa an der Einseitigkeit der Naturphilosophie // Gregory of Nyssa. Homilies on Ecclesiastes. P. 299–317.
- ²⁰ GNO.409.8–416.7.
- ²¹ Alden A. Mosshammer. Non-Being and Evil in Gregory of Nyssa // Vigiliae Christianae. 1990. N 44. P. 136–167.
- ²² PG.44.1256 B.
- ²³ Ср.: *Аристотель*. Никомахова этика. II.6, 1106 а 26 след.
- ²⁴ GNO.V.375.12–13. Ср.: Изречения семи мудрецов: Клеобул. 1, Солон. 1 // Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. Ч. 1. С. 92; Pind.frg.204 Bowra.
- ²⁵ GNO.V.374.19–20.
- ²⁶ GNO.V.376.23–377.1.
- ²⁷ *Аристотель*. Физика. 220b 25. См. также: Callahar J.F. Four Views of Time in Ancient Philosophy. Cambridge, 1948. P. 50–82. Впервые привлек внимание к проблеме терминологической близости Аристотеля и Григория Нисского в вопросе о времени Пауль Цемп: Zemp P. Die Grundlagen heilsgeschichtliche Denkens bei Gregor von Nyssa. S. 91.
- ²⁸ De Hom. Opif. // PG.44.183 C. Часто эту мысль Григорий Нисский повторяет в “Большом Катехизисе”. PG.45.28D, 40A, 57D, 100D.
- ²⁹ GNO.V.374.20, 377.3.
- ³⁰ GNO.V.188.20–189.4.
- ³¹ In Hexaemeron // PG.44.77B; De Anima // PG.46.101B.
- ³² Methodius. De Resurrectione. II.25 (380–382 Bonwetsch).
- ³³ Chrysippus apud Simplicium // SVF.II.509; Zeno Stoicus Fragmenta.I.93.
- ³⁴ Otis B. Gregory of Nyssa and the Cappadocian Conception of Time // Studia Patristica. 14 (1976). P. 327–357.
- ³⁵ GNO.V.440.3.
- ³⁶ GNO.I.136.8–12.
- ³⁷ GNO.V.412.14.
- ³⁸ PG.44.209D.
- ³⁹ PG.46.124B–C.
- ⁴⁰ GNO.I.134–137.

ГУГО СЕН-ВИКТОРСКИЙ И ЕГО ПРОГРАММА ОБРАЗОВАНИЯ (предисловие к переводу)

В.П. Гайденко

Гуго Сен-Викторский, или Гуго из Лотарингии, – один из тех схоластов и учителей, с именами которых была связана в XII в. слава Парижа как центра образования. Школа при церкви св. Виктора, в которой он был схоластиком приблизительно с 1124 до 1141 г., была учреждена Гильомом из Шампо, основавшим в 1108 г. общину регулярных каноников, для которых и предназначалась школа; впрочем она была открыта также и для тех, кто не входил в общину. Расцвет школы приходится имен-

но на время преподавания Гуго. Влияние его на деятельность школы было весьма велико, так что слова Р. Барона “Сен-Викторская школа – это в действительности школа Гуго Сен-Викторского” – не преувеличение¹. Гуго разработал программу образования, которой следовали в школе, и отчетливо сформулировал те принципы, которые впоследствии связывались с Сен-Викторской школой.

В первые годы своего преподавания Гуго составил “Наставление к обучению” (*Didascalicon*) как практическое руководство для учащихся: что они должны читать, в каком порядке и как. Эта программа дает представление и о методах обучения в Сен-Викторской школе, и об изучаемых там текстах.

Трактат делится на две части: первые три книги – о круге чтения для изучающих свободные искусства, другие три – о библейских текстах для изучающих Св. Писание. В этом разделении не следует усматривать то разграничение между философией и теологией, которое в дальнейшем станет характерным для схоластики. Для Гуго Сен-Викторского все знание охватывается философией, идея единства знания определяет весь строй его мышления. Влияние “Наставления” обусловлено не столько предложенными в нем практическими рекомендациями, сколько тем, что Гуго удалось развернуть принцип единства знания в систематическое воззрение на природу и цели образования.

Философия есть средство и для восстановления человеком целостности своей природы, утраченной в грехопадении, и для устранения повреждения, нанесенного грехом². Поэтому люди нуждаются в двоякого рода мудрости; *понимании* (*intelligentia*) и *знании* (*scientia*). Понимание в свою очередь делится на две области – постижения того, что необходимо для исцеления разума, т.е. *теоретические искусства*, руководящие разумом в его поисках истины, и для исцеления воли, т.е. *практические искусства*, которые руководят волей в осуществлении добродетельных поступков. Знание охватывает *механические искусства*, уяснение принципов всякой человеческой деятельности, обеспечивающей жизненные потребности людей. “Не только те познания, – пишет Гуго, – которые касаются природы вещей или воспитания нравов, но также и рациональные основания (*rationes*) всех человеческих действий и познаний правильно будет отнести к философии. Согласно этому допущению мы можем дать следующее определение философии: философия – это дисциплина, во всей полноте исследующая рациональные основания всех вещей, человеческих и божественных” (гл. 4). К этим трем Гуго добавляет *логические искусства*, рассматривающие способы суждения и умозаключения, без чего невозможно знание других искусств. Изучение философии следует начинать с логики, “потому что в ней изучается природа слов и понятий, без чего никакой трактат по философии не может получить рационального объяснения” (гл. 11).

Предложенное Гуго Сен-Викторским в его “Наставлении” деление философии на четыре основные области и на 21 дисциплину может быть схематически представлено следующим образом³:

Важно подчеркнуть, что деление это представляет собой схему именно *единства* знания, систематизацию всего, без чего человеческое знание не будет полным и не может служить восполнению человеческой природы. Разумная душа, будучи простой сущностью, не может разделяться на количественные части; тем не менее она способна вместить совокупность всего, ибо не будь она составлена из всего, она не могла бы все постигать. “Наш ум, наделенный сходством со всеми вещами, является всем, однако составленность из всего есть в нем не так, что он содержит все интегрально (как сумму частей. – В.Г.), а виртуально и потенциально (как их силу и способность. – В.Г.)” (гл. 1). Подобие всему душа имеет в себе как некую врожденную способность (*nativa potentia*) и собственную силу (*propria virtus*); следовательно, ее подобие чему угодно не имеет внешнего источника, т.е. она не копирует внешние ей вещи, но она собственной силой и способностью воспроизводит в себе все, постигая *rationes* вещей. Подобие имеется в душе как вычеканенное изображение на печати. Именно эта метафора указывает, что подобие разумной души всему – это особое подобие. Во-первых, изображение на печати не похоже на то, что отпечатывается в оттиске; во-

вторых, оттиск – а именно он является подобием чего-то из внешнего мира; само же изображение на печати лишь потенциальное подобие – проявляется лишь неким действием отпечатывания, воспроизведения в оттисках; т.е. в печати подобие чему-то есть только потенциально и виртуально.

В уме изначально имеются, потенциально и виртуально, формы вещей – это *rationes* ума. Их нет нужды извлекать из вещей внешнего мира; действуя – постигая, ум в себе самом усмотрит их в совершенной чистоте. В вещах они также запечатлены, но усматриваются не столь ясно. Поэтому когда ум подражает природе, это знание как бы второго сорта – механические искусства. Ум должен быть обучением приведен к осознанию того, что не следует искать вне себя то, что мы можем найти в себе.

Философию, как “любовь и стремление к мудрости”, Гуго, следуя Бозцио, отождествляет с любовью к Богу. Именно такая любовь к мудрости, которая есть не что иное, как “просвещение разумной души этой чистой мудростью, как бы прикосновение к ней и призыв, чтобы в чистом духе явилось устремление к божественной мудрости и привязанность к ней” (см. гл. 2), способна быть двигателем на пути всеобъемлющего познания, которое совпадает с самопознанием.

Задействование всех потенций разумной души осуществляется посредством обучения. Философия приводит ум к усмотрению всех *rationes*, через которые он во всей полноте познает в себе совокупность всего. Потому только полное овладение всеми разделами знания способно выполнить задачу исцеления человеческой души.

Программу такого именно обучения пытается Гуго описать в своих “Наставлениях”. Естественно, что при таком взгляде на роль обучения никакое частичное изучение наук не приводит к цели. Образовательная программа Гуго, включающая и постижение предметов божественных, и упражнение в добродетели, и науку о телесных вещах, и искусство правильного рассуждения, не допускает расчленения на обособленные дисциплины, когда либо часть дисциплин можно безболезненно изъять из программы, либо сосредоточить внимание только на некоторых из них. Так поставленная задача образования имеет целью не просто передачу знаний, а формирование образа жизни, и реализация такой программы обучения-воспитания предъясвляет огромные требования не только к эрудиции, но и к нравственному облику учителя. Примечательно, что программа Гуго ненадолго пережила своего создателя.

Характер предложенной Гуго программы не совпадал с наметившимся уже при его жизни направлением развития образования. Во-первых, иное определение получали понятия философии и теологии. У Гуго теология как знание об умопостигаемом или бестелесном сущем, есть высший из трех разделов теоретического знания. Теология, таким образом, есть умозрение, направленное на познание Бога, божественной природы; ее включение в философию обусловлено стремлением Гуго подчеркнуть целостный характер познавательной деятельности, когда теологическое созерцание есть высший пункт, куда приводит че-

ловека стремление к мудрости, а потому выяснение приоритета философии или теологии не имеет основания. Однако постепенно в школах границы теологии расширялись, охватывая библейскую экзегезу, доктринальные, моральные и практические проблемы наравне с предметами спекулятивными⁴. В теологию, с одной стороны, включалось все больше вопросов, которые традиционно рассматривались в философии; с другой стороны, теология стала отличаться от философии своими целями, источниками и методом. Существенное пересечение предметных областей теологии и философии (фактически подчинение философии теологии) при различии способов рассмотрения побуждает в дальнейшем отказаться от предложенного Гуго решения проблемы о соотношении теологии и философии.

Во-вторых, существовала тенденция противопоставлять в рамках философии теоретические и практические науки (философию в собственном смысле) как высшие формы знания низшим формам: логическим искусствам, занимающим лишь служебное положение и являющимся добавлением, а не составной частью философии, и механическим искусствам. Это было не просто принижением достоинства этих дисциплин, но и грозило исключением их из школьных программ. Что касается механических искусств, то попытки их преподавания не прижились даже среди учеников Гуго в Сен-Викторской школе. Но на важности изучения логики Гуго решительно настаивает. Стремясь сохранить их значение в целостной системе образования, он протестует против слишком узкого определения философии.

Предлагаемый вниманию читателей перевод первой главы трактата Гуго Сен-Викторского “Наставление к обучению” посвящен общему обоснованию программы Гуго, его принципов систематизации знания.

Перевод выполнен по изданию: *Hugo de Sancto Victore. Didascalicon. De studio legendi* / Ed. Ch.H. Buttimer. Washington, 1939. P. 1–22.

¹ Baron R. L'Influence de Hugues de Saint-Victor // *Recherches de théologie ancienne et médiévale* 22 (1955): 55.

² В одной из своих работ – “*Epitome Dindimi in philosophiam*” – Гуго связывает деление философии с необходимостью противодействовать трем порокам, которые имеет человеческая природа вследствие грехопадения: незнание добра, желание зла и немощь, свойственная смертному. (*Hugo de Sancto Victore. Opera Propaedeutica* / Ed. R. Baron. Notre Dame, 1966. P. 193–194. Buttimer. P. 130–132.)

³ Данная диаграмма приведена в кн.: *Ferruolo S.C. The Origins of the University. The Schools of Paris and Their Critics. 1100–1215.* Stanford (California), 1985. P. 34.

⁴ См., например: *Evans G.R. Old Art and New Theology: The Beginning of Theology as an Academic Discipline.* Oxford, 1980. P. 27–37.